

Моск. новости. - 1995 -

7 мая. - с 18.

КИНО

«На что надеялся?»

Еще пять лет — и Тургенев сделается писателем позапрошлого века. Интересно, как это отразится на нашей привычке омыwać его вешними водами авгиевы конюшни родимых душ.

Когда-то, после того как Толстой и Достоевский наградили нас соблазном исторического катастрофизма, тяга к Тургеневу пригасла — именно по той причине, что он не знал о людях того, что знали Толстой и Достоевский. Теперь тяга усиливается, и как раз по той причине, что Тургенев этих соблазнов не знал.

Он остается у нас эталоном незамутненной душевной чистоты. И освоен кинематографом прочно, хотя и в определенном «срезе». Красота усадеб, резвые шалости на лоне природы. Эти пикники куда больше пригодились нашему экрану, чем давно прошедшие споры отцов, детей и дядюшек в тургеневских романах. Кинематографически-природный Тургенев — это уже тоже традиция нашей культуры.

Верный традиции, Роман Балаян разворачивает экранизацию «Первой любви» как своеобразный «дочернобыльский» усадебный парадиз-ландшафт. Впрочем, может быть, как раз «послечернобыльский» — по особой сочности трав, по крупности шмелей, лягушек и бабочек, оглушительно жужжащих, квакающих и звенящих вокруг героев. А подалее — мычание и кукареканье, и хватающая за душу русская народная песня — вот вам энергетика любви, экология чувств, аура сытых людей, живущих и играющих здесь.

Ох, доиграются, думаешь невольно, ибо неистребимо заложенное в нас всех «классовым воспитанием» ожидание катастрофы. Распрыгались! Здоровенные мужики скачут по травке вокруг лакомой девицы... поцелуйчики выклянчивают по очереди. С жиру бесятся. И она — как сыр в масле: «Господа-а, я устала. Давайте покусачем!» Тоже славно: давненько господа не скучали.

Этот садово-парковый антураж на всю катушку осваивается нашим киноискусством уже четверть века, с тех пор как начальственными ножницами оказалось оно отстрижено от эстетики «шестидесятников». Ретро-стиль создан Кончаловским в «Дворянском гнезде», Михалковым в «Обломове»... Да и сам Балаян в классических «Полетах» повернул слух души к потаенным вздохам и скрипам организма, изгнанного из «общества» в «чистую природу». Так что он себе не изменяет.

От молодых актеров в такой ситуации требуется одно: быть молодыми. Все глупости и взбрыки искупаются свежестью лиц и неподдельностью первоначальных эмоций. То, что актеры необснятые, даже и на пользу... Впрочем, юная Михалкова обснята — отцом Никитой Сергеевичем в фильме «Анна от шести до восемнадцати»; надо признать, что там, в семейном интерьере, она органичнее, чем тут, в парково-эротическом.

Актеры обснятые, вроде Ирины Муравевой и Александра Абдулова, работают профессионально, то есть предсказуемо. Вписываются и в тип, и в фабулу. Еще точнее вписывается Олег Янковский в роль соблазнителя: победный смех в льдистых глазах — фирменный знак.

Сложнее с Мариной Нееловой. Последний раз до фильма Балаяна я видел ее в «Тюремном романсе»: находящийся под следствием бандит соблазняет женщину, ведущую его дело. Это было нелегкое зрелище: видеть Неелову, ее мимику, ее пластику, ее психологическую уникальность в откровенно коммерческом фильме. Все-таки великие актрисы в известном смысле себе не принадлежат, и то, в какие ситуации они попадают, — вопрос не чисто кинематографи-

ческий. Вот так же сжималось сердце за Чурикову в «Курочке Рябе». Я в лицо Нееловой боялся глянуть после той тюремной истории.

Нет, кажется, она вернулась к себе. То есть не «вписывается»! Слава Богу, не вписывается в сентиментальный тургеневский сюжет. Брови трагические мешают. Складки страдальческие у рта. Конечно, эту печать обреченности можно отнести и на счет сюжета: «Первая любовь», как помнят читатели Тургенева, это еще и история обманутой жены. Но мимика великих артисток, повторяю, не приложение к сюжету, это национальное достояние. Национальное СОСТОЯНИЕ. Лицо, которое смотрит как трагическая маска, сдвигает в иное измерение всю садово-парковую любовь.

По чисто кинематографическому качеству претензий к ленте нет. Чемпионом я бы признал оператора: Павел Лебешев блистательно играет контражурами, а если по условиям действия солнца нет, играет лунными бликами. Или погружает нас в синюю зелень «Водоёма» Борисова-Мусатова. Стиль!

Я понимаю и общий замысел Романа Балаяна. Ответить Тургеневым на нынешнее кинобеснование: красотой природы, наивностью чувств, чистотой тона на клиповую трясу, животное насилие, сексопатические страсти и душевную муку нынешнего ходового кинотовара. Я Балаяну сочувствую и по ситуации на его стороне.

Но только — по ситуации. Картина, сделанная «по ответ», а не от переполненности души, не живет полно. Можно опереться на Тургенева. Но сама необходимость «опереться» — знак внутренней слабости. Не слабости режиссера, нет: нашей общей слабости. Вдруг Тургенев поможет? Как сказал Балаян перед просмотром: есть надежда, что дети нынешних киллеров и их не менее криминальных жертв потянутся в конце концов к классике.

Дети, может, и потянутся. Но вырастут... Помните, что подумал повзрослевший герой в финале тургеневской «Первой любви»? «Вот и я... на что я надеялся?..»

Лев АННИНСКИЙ